

Начинаю нашу беседу с трудного вопроса:

- Позади жизнь, полная событий прекрасных и страшных, удивительных и банальных, необычных и будничных. Из них складывались годы, приходилось не только быть свидетелем, но и участником исторических поворотов. Что вспоминается в первую очередь?

- Ничего не забываю! Я бывал во многих странах, на всех континентах. Видел множество природных явлений, пережил много разных ситуаций – природных, научных, политических. Но ни одно из них не могу воздвигнуть на пьедестал. В поселке вот чем: моя книга «Учение о россыпях» вышла вторым изданием, и я успел ее написать в таком виде, который мне нравится.

- А когда вы впервые столкнулись с россыпями как геолог? Ведь эта монография – итог, но было же и начало...

- Первая встреча довольно странная. Это было в 1934-м году. Я учился в Ленинградском горном институте. Во время студенческой практики работал на Урале. Это медный рудник, который потом, в годы войны, нас очень выручил. А в 34-м я встретил там настоящих старателей. В поселке с десятком домов, огороды выходили к реке, и в каждой семье были приспособления для промывки золота. Вечерами все сидели с ковшами на реке и мыли песок. Подивился я на это, но особого значения увиденному не придавал, забыл до 1937 года.

Когда я окончил институт, по рекомендации Ю.А. Билибина заключил договор с представителем Дальстроя. Честно говоря, денег не хватало – я уже был женат, родилась дочь, так что сыграли свою роль и материальные интересы. В договоре было определено место работы – Северное горно-промышленное управление, которое было незадолго до того организовано в долине реки Хатынах, впадающей в Таскан – левый приток Колымы.

- Контракт с Дальстроем сразу решил ваши материальные проблемы?

- Конечно! Дочь мы с женой оставили у бабушки, а сами через всю страну отправились на Дальний Восток. Оклад у нас был по 900 рублей в месяц. Через каждые два с половиной года – отпуск на шесть месяцев. Получили подъемные – по тем временам хорошие деньги...

- Долго ехали до места назначения?

- Десять дней поездом до Владивостока, потом на корабле «Джурма» до бухты Нагаева четверо суток. Северное управление – это шестьсот километров от Магадана. Две недели мы жили в палатках, ожидая автомобиля в Хатынах.

- И сразу же встретились с заключенными?

- Их присутствие мы обнаружили по трассе. Дорога была только что построена, шла через реки и ручьи, болота и торфяные мари, среди сопков, покрытых лишайниками и кедровым стлаником. Мы были поражены удивительной красотой природы: при незаходящем солнце небо было бледно-голубым. Это была страна вечной мерзлоты, еще не тронутая человеком. Но о том, что это край суровый и жестокий, напомнил воздух, наполненный комарами. Их гул был слышен везде и всегда.

Я был назначен начальником поискового отряда. Еще никто не мог утверждать, что в этом районе будут богатые россыпи. Надлежало выяснить, есть ли в среднем и нижнем течении реки Хатынах и ее притоках перспективные точки для начала поисково-разведочных работ. Кстати, по мнению геологов, которые работали раньше, золота здесь очень мало. В моем отряде было три человека – промывальщик, рабочий и я. Мы и отправились в тайгу вверх по течению реки. Уже первые пробы показали, что мои предшественники ошиблись: золота было много. Еще до наступления зимы я произвел разбивку шурфовочных линий. Когда прошли снегопады, была организована партия из нескольких человек технического персонала и 100 рабочих. В том году зима была очень суровая. Работали до конца декабря. И вдруг приходит телеграмма, что я должен прибыть в Магадан. Только что произошла смена руководства Дальстроя: в Москву отозвали Э.П. Берзина, а ему на смену прислали комиссара госбезопасности 2-го ранга К.А. Павлова. Он был руководителем энергичный, волевой и безжалостный, ощущал себя прямым посланником Сталина, который очень внимательно следил за работой Дальстроя.

- Ему нужно было золото?

- Конечно. И Колыма его давала. Мы прошли 37 тысяч погонных метров шурфов, или 7400 выработок. Открыли богатейшие россыпи в бассейнах рек Чек-Чека, Хатынах, Малый и Большой Ат-Юрях, Дебин. Это позволило всего за год увеличить добычу золота в Дальстрое вдвое – довести ее до 65 тонн. Во многих случаях, дав оценку золотоносности долины только по поисковым данным, я сразу же начинал детальную разведку, минуя стадию предва-

Академику Николаю Алексеевичу Шило минуло девяносто, но это не мешает ему работать каждый день. Монография «Учение о россыпях», которая недавно увидела свет, – одно из подтверждений этому. В его рабочем кабинете множество рукописей, журналов, книг. Разобраться в этом хаосе может только хозяин кабинета, что он и делает в ходе нашей беседы, когда ему хочется продемонстрировать тот или иной документ. В кабинете царит творческий беспорядок – и меня это порадовало: встретил родственную душу.

**Академик
Николай ШИЛО:**

ЗОЛОТО КОЛЫМЫ СНАЧАЛА ДОБЫВАЛИ... НА ОГОРОДАХ

рительной. Это ускоряло разведку россыпей и сокращало затраты на работы. Однако за такую инициативу и смелость я чуть не поплатился жизнью.

- На вас донесли?

- Нет. Ко мне хорошо относились все, с кем я работал. Из тех, кто приезжал туда добровольно, арестовывали в основном молодых – именно в них видели вредителей. Молодые под пресс попадали реже. Тем не менее со мной это могло случиться много раз. А однажды я оказался на грани.

Все произошло довольно случайно. Я оценил Мало-Ат-Юряхскую долину как крупнейшую золотоносную систему, в которой можно получить не менее 200 тонн золота. Спланировал проведение детальной разведки, минуя предварительную стадию. В середине зимы Павлов проезжал мимо и увидел сотни шурфов. Он спросил, если ли здесь золото. Никто не смог ему ответить. Вечером он вызвал меня и задал тот же вопрос. Я ответил, что шурфы еще не доведены до золотоносного пласта, однако я убежден, что там будут промышленные россыпи. Павлов посчитал, что так поступать было нельзя. Неграмотность или вредительство? Он распорядился создать комиссию и виновных предать суду. Комиссия решила, что нужно работы довести до конца. Я прекрасно понимал, почему члены комиссии пришли к такому выводу. Они не рисковали. Если золота не будет, то наказать меня не поздно, но если я окажусь прав, то уже их обвинять во вредительстве.

- Нашли золото?

- И очень много! Так что я не только был реабилитирован, но и завоевал авторитет. Это помогло потом избежать наказания даже в тех случаях, когда я ошибался. И еще один памятный случай. Я предложил отказаться от традиционных методов проходки шурфов. Обычно на дне их разжигали костер, и грунт оттаивали. Я заменил этот тяжелый труд взрывами, что ускорило работы и сделало их более эффективными. В общем, я провел несколько серьезных исследовательских работ. Их результаты были опубликованы в журнале «Колыма». В 1938 году в Магадан приехала правительственная комиссия. В ней были многие известные ученые – академик С.С. Смирнов, легендарный Ю.А. Билибин и другие. Они решили посмотреть Мало-Ат-Юряхскую россыпь, побывали на прииске «Партизан». В этот день с одного промывочного прибора было снято 250 килограммов золота, что явилось рекордом. Но главное – это было свидетельством того, насколько богато месторождение.

- Войну вы встретили на Колыме?

- Я был в полевых партиях. О начале войны узнал, когда вернулся в Магадан. Естественно, сразу же подал заявление о на-

правлении на фронт. В Дальстрое, наверное, не было ни одного мужчины, который бы не сделал этого. Однако вскоре пришел приказ Сталина, что все должны оставаться на своих местах, так как во время войны нужно как можно больше золота и олова. Это были очень трудные годы, они коснулись всех в стране. Чем горжусь? Тем, что геологические работы на Колыме расширились в чем была и моя заслуга.

- А семья?

- Только в 1945 году я узнал подробности гибели жены в блокадном Ленинграде. В самый холодный месяц 42-го года, когда голод косил блокадников, Валентину убили каннибалы. Людоедов, правда, нашли, судили и расстреляли, но с тех пор мне очень трудно приезжать в Ленинград. И я стараюсь не делать этого. Трагическое прошлое не отпускает до нынешнего дня. Много, очень многое забыть просто невозможно!

- Вы ни слова не сказали об уране и Атомном проекте...

- Это еще впереди. Пока я добываю золото и лишь «прикасаюсь» к науке. После войны я опубликовал несколько научных статей – не более того. Сталин ставит перед нами новые задачи по освоению северо-востока страны. Для этого проводится коренная реорганизация геологической службы. Весной 1949 года вышло постановление об организации в Магадане Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов, сокращенно – ВНИИ-1. Директором был назначен профессор С.П. Александров. Он предложил мне стать его заместителем по науке. Так получилось, что он мало занимался институтом, так как был занят в Атомном проекте. Через год его перевели на другую работу, а я был утвержден директором. Возглавлял этот институт десять с лишним лет.

- И в это время были привлечены к Атомному проекту?

- Точнее – такая попытка была сделана... Поначалу ситуация вокруг института складывалась весьма сложная. Дело в том, что в Магадан после процесса о вредительстве прибыла группа крупных ученых. Это были Вологдин, Шахов, Шейман, Верещагин, Богацкий и другие. Мне удалось взять их к себе в институт. Местное начальство на это пошло...

- Я встречался с член-корреспондентом Вологдиным в 60-е годы, он рассказывал, что работа во ВНИИ-1 спасла ему жизнь.

- Так и было, подтверждаю. Однако этих ученых вскоре решили забрать для работы на Чукотке, где разведывалось урановое месторождение Северное. Кстати, руководство Урановым проектом на северо-востоке СССР поначалу возлагалось на меня. Что греха таить, я был уверен, что крупных урановых месторождений в этом районе нет. Однако возражений Лаврентий Павлович Берия не терпел. В общем, мне удалось уйти в сторону от этого проекта, естественно, ссылаясь на золото, которое так меня интересовало. Меня оставили в покое. Удавалось сохранить и ученых, которые работали в институте. Через два года я защитил диссертацию. Произошло это в Геологическом институте Академии наук. В это время арестовывали Берия...

- После Сталина и Берия у вас на Колыме все изменилось?

- Конечно. Сразу же удалось снять все обвинения с группы геологов, которые работали в институте. И во-вторых, появилась возможность провести фундаментальные исследования, так как над нами уже не давило требование любой ценой дать больше золота. В частности, мне

ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: «Летом 1965 года академик Н.А. Шило освобожден от должности директора СВКНИИ в Магадане и председателя Дальневосточного научного центра. Он проработал на Дальнем Востоке 48 лет, из них 41 год в районах Крайнего Севера. 13 лет он занимался поисками и разведкой полезных ископаемых. Ему присвоено звание Героя Социалистического труда, лауреата Государственной премии, он награжден 7 высшими орденами страны и 13 медалями. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, делегатом трех съездов КПСС. Принимал участие в работе шести международных геологических и девяти конгрессах Тихоокеанской научной ассоциации. Имеет благодарности от Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР И.В. Сталина и Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина».

удалось доказать, что некоторые районы, отнесенные к «неперспективным», на самом деле могут дать много золота. Изучение Яно-Колымского пояса позволило целеустремленно осуществлять их разведку и поиск. Аналогичные районы были выделены и на Чукотке, и вдоль Сибирской платформы. К сожалению, объем добычи золота в эти годы сократился: не обновлялись основные фонды, свертывалась разведка. Дальстрой вошел в Министерство цветной металлургии, а у этого ведомства и других забот хватало. Плюс к тому в обществе создалось представление, что «золото Чукотки» иссякло, а потому горные предприятия закрывались.

- Сказывалось прошлое? Я имею в виду ГУЛАГ. Он не мог не оказывать влияния на психологию людей...

- Это тоже имело значение, хотя причин «затухания Колымы» было много. Когда приехала правительственная комиссия во главе с академиком Д.И. Щербаковым, после весьма жестких дискуссий – общего мнения у членов комиссии не было – удалось добиться увеличения ассигнований на геолого-разведочные работы и восстановление горных предприятий. К концу пятилетки, то есть к 1960 году, были открыты богатые золотые месторождения на Чукотке, а в Якутии – россыпи олова, превзошедшие по запасам все известные до тех пор. Добыча золота поднялась до 70 тонн в год и на этом уровне удерживалась 20 лет!

- Значит, фундаментальная наука и на этот раз сказала свое веское слово?

- Безусловно! Вскоре родилась идея создать в Магадане академический институт в составе Сибирского отделения Академии наук СССР. К нам зачастую высокие гости. Президентом Академии наук стал академик М.В. Келдыш, который взялся активно поддерживать нас. Делать это было нелегко, так как по-прежнему наши исследования носили гриф «секретно». Но академик Келдыш старался, чтобы наука в дальних краях расширялась. Я был избран член-корреспондентом АН СССР, меня направляли на разные международные конгрессы и конференции. Все это давало возможность не только устанавливать контакты с зарубежными коллегами, но и знакомить их с достижениями нашей геологической науки. А нам было что показать и рассказать!

- Насколько мне известно, активное участие в становлении института принимал и академик М.А. Лаврентьев?

- Он приехал к нам в конце 1965 года. Вместе с ним – академик Г. И. Марчук и другие. Морозы стояли страшные, до 60 градусов, но это не помешало ученым из Новосибирска побывать во многих местах. Слетали и на Чукотку, и на оловянный рудник Валькумей. Появилась записка «О поездке сотрудников Сибирского отделения АН СССР в северо-восточные районы страны». Она была направлена в правительство. В этом документе предлагались кардинальные меры по освоению этих районов страны, развитию там энергетики и промышленности. В частности, шла речь о строительстве ряда атомных станций. Но построена была лишь одна – Билибинская АЭС. Пришло время встречать нам делегацию Академии наук СССР во главе с М.В. Келдышем – намечалось создание Дальневосточного научного центра, и президент академии изучал его возможности.

- Тогда речь не шла о его руководстве?

- В составе делегации был Андрей Капица – сын известного ученого. Он и стал первым председателем центра. А Мстислав Всеволодович на заседании президиума академии делился своими впечатлениями о поездке. Мне рассказывали, что он особо выделил работу нашего института в Магадане. Бесспорно, высокая оценка моей работы президентом академии сыграла свою роль.

- Андрей Капица не устраивал власть? Вольнодумец был, как и отец?

- Нет. Случилась беда. В одной из лабораторий Геологического института произошел пожар. Виновным был признан, как и положено в таких случаях, председатель президиума научного центра. Насколько мне известно, даже отец вынужден был обращаться к Л.И. Брежневу, чтобы сына оставили в покое. Так или иначе, но А.П. Капица был освобожден от работы. И мне пришлось перебраться во Владивосток...

Итогами своей работы в Дальневосточном научном центре я горжусь. При мне появился 21 научно-исследовательский институт, флот достиг 19 кораблей, причем пять из них были оснащены лучшим в мире оборудованием. В учреждениях центра работало около десяти тысяч человек, из них 100 докторов и 1100 кандидатов наук. 24 человека были при мне избраны в члены Академии наук СССР.

- У вас есть представление о будущем?

- Как и у каждого нормального человека.

- И каким оно вам видится?

- Сейчас, когда я вглядываюсь в современный мир, возникший после поражения в «холодной войне» и исчезновения Советского Союза, мне на память приходят три бога из индийской мифологии: Брами – творец, Вишну – охранитель, Шива – разрушитель. Это три проявления конечной реальности, всегда пребывавшие в согласии. Теперь же они перессорились – равновесие потеряло устойчивость, наступил хаос. И моя единственная надежда состоит в том, что если система в философско-кибернетическом смысле характеризуется нелинейностью, то через хаос она приобретает новое равновесие, но уже в другой ситуации, и в иной среде она будет характеризоваться иными параметрами... Вот только увидеть это дано не всем!

Владимир ГУБАРЕВ